

Текст Сухомлинского про школу

С волнением ожидал я малышей. В 8 часов утра пришло 29 человек. Не пришла Саша (наверное, с матерью плохо). Не было Володи, по - видимому, заспал, матери не захотелось будить мальчика.

Почти все дети празднично одеты, в новеньких ботиночках. Это меня встревожило: сельские дети издавна привыкли в жаркие дни ходить босиком, это прекрасная физическая закалка, лучший способ предупреждения простудных заболеваний. Почему же родители стараются защитить детские ножки от земли, утренней росы и горячей, накаленной солнцем земли? Все они делают из добрых побуждений, а получается плохо: с каждым годом все больше сельских малышей зимой болеют гриппом, ангиной, коклюшем. А надо воспитать детей так, чтобы они не боялись ни зноя, ни холода.

— Пойдем, дети, в школу, - сказал я малышам и направился в сад. Дети с недоумением смотрели на меня.

— Да, ребята, мы идем в школу. Наша школа будет под голубым небом, на зеленой травке, под ветвистой грушей, на винограднике, на зеленом лугу. Снимем вот здесь ботиночки и пойдем босиком, как вы привыкли ходить раньше.

Дети радостно защебетали; им непривычно, даже неудобно ходить в жаркую погоду в ботинках.

— А завтра приходите босиком, в нашей школе это будет лучше всего.

Мы пошли в виноградную аллею. В тихом, скрытом деревьями уголке разрослись виноградные лозы.

Расстелившись на металлическом каркасе, они образовали зеленый шалаш. Внутри шалаша земля покрыта нежной травой. Здесь царил тишина, отсюда, из зеленого сумрака. Весь мир казался зеленым. Мы расстелились на траве.

· Вот здесь и начинается наша школа. Будем смотреть отсюда на голубое небо, сад, село, солнце.

Дети притихли, очарованные красотой природы. Между листвой висели янтарные гроздья созревшего винограда.

Детям хотелось попробовать вкусных ягод. Будет и это, ребята, но сначала надо полюбоваться красотой. Дети смотрят вокруг. Кажется, что сад окутан зеленым туманом, как в сказочном подводном царстве. Поверхность земли - поля, луга, дороги - как бы дрожит в малахитовом тумане, а на освещенные деревья сыпятся солнечные искорки.

— Солнышко рассыпает искорки, - тихо сказала Катя.

Дети не могли оторваться от очаровавшего их мира, а я начал рассказывать сказку о солнце.

· Да, дети, хорошо сказала Катя: Солнышко рассыпает искры. Оно живет высоко в небе. У него есть два Кузнеца - великана и золотая наковальня. Перед рассветом Кузнецы с огненными бородами идут к Солнцу, которое дает им два пучка серебряных нитей. Берут Кузнецы железные молотки, кладут серебряные нити на золотую наковальню и куют, куют, куют. Они выковывают Солнышку серебряный венок, а из - под молотков рассыпаются по всему миру серебряные искры. Падают искры на землю, вот вы и видите их. А вечером уставшие Кузнецы идут к Солнышку, несут ему венок; надевает Солнышко венок на золотые косы и идет в свой волшебный сад - отдохнуть.

Я рассказываю сказку и одновременно рисую ее: на белом листе альбома рождаются фантастические образы: у золотой наковальни - два Кузнеца - великана, из - под железных молотков рассыпаются серебряные искорки.

Слушают дети сказку, очарованные волшебным миром, и кажется, что они боятся нарушить тишину, чтобы не рассеялось очарование. Потом сразу засыпают вопросами: а что делают Кузнецы - великаны ночью? Зачем Солнышку каждый раз новый венок? Куда деваются серебряные искорки - ведь сыпятся они на землю каждый день? Милые дети, обо всем этом я расскажу вам, у нас еще будет много времени, а сегодня я угощу вас виноградом.

Ребята с нетерпением ожидают, пока корзина наполняется гроздьями. Раздаю по две веточки: одну советую съесть, а другую понести маме, пусть и она попробует ягод. Дети проявляют удивительную терпеливость: заворачивают гроздья в бумагу. А меня беспокоит мысль: хватит ли этой терпеливости на всю дорогу от школы до дома? Нине я даю несколько гроздьев: для больной матери, для сестренки и для бабушки. Варя берет 3 кисточки для отца. Зарождается мысль: как только у детей будет достаточно сил, каждый ребенок заложит свой виноградник. У Вари надо посадить этой осенью с десяток саженцев, которые плодоносили бы уже через год, - это будет лекарство для отца. Мы выходим из сказочного зеленого сумрака. Я говорю детям:

— Завтра приходите перед вечером, в шесть часов. Не забудьте.

Я вижу: детям не хочется уходить. Но они расходятся, прижимая к груди белые сверточки. Как бы мне хотелось знать, кто из них не донесет виноград домой! Но об этом спрашивать у ребят нельзя; если кто сам расскажет - будет хорошо.

Вот и кончился первый день школы под голубым небом... В ту ночь мне снились серебряные солнечные искорки, а проснувшись рано утром, я долго думал, что делать дальше. Я не составлял детального плана: что и в какой день буду говорить детям, куда поведу их. Жизнь нашей школы развивалась из идеи, которая воодушевляла меня: ребенок по своей природе - пылкий исследователь, открыватель мира. Так пусть перед ним открывается чудесный мир в живых красках, ярких и трепетных звуках, в сказке и игре, в собственном творчестве, в красоте, воодушевляющей его сердце, в стремлении делать добро людям. Через сказку, фантазию, игру, через неповторимое детское творчество - верная дорога к сердцу ребенка. Я буду так вводить малышей в окружающий мир, чтобы они каждый день открывали в нем что-то новое, чтобы каждый наш шаг был путешествием к истокам мышления и речи - к чудесной красоте природы. Буду заботиться о том, чтобы каждый мой питомец рос мудрым мыслителем и исследователем, чтобы каждый шаг познания облагораживал сердце и закалял волю.

Школа под голубым небом учила меня, как открывать перед детьми окно в окружающий мир, и эту науку жизни и познания я стремился донести до всех учителей. Я советовал им: не стремитесь рассказать на уроке о предмете изучения все, что вы знаете, - под лавиной знаний могут быть погребены пылкость и любознательность. Умейте открыть перед ребенком в окружающем мире что-то одно, но открыть так, чтобы кусочек жизни заиграл перед детьми всеми красками радуги. Оставляйте всегда что-то недосказанное, чтобы ребенку захотелось еще и еще раз вернуться к тому, что он узнал.

(По В. И. Сухомлинскому)

Текст Алексиевич про любовь

(1)...Мы недавно поженились. (2)Ещё ходили по улице и держались за руки, даже если в магазин шли. (3)Всегда вдвоём. (4)Я говорила ему: «Я тебя очень люблю». (5)Я ещё не знала, как я его любила... (6)Мы жили в общежитии пожарной части, где он служил. (7)И тут среди ночи какой-то шум – на Чернобыльской АЭС пожар. (8)Уехали они без брезентовых костюмов: как были в одних рубашках, так и уехали. (9)Их не предупредили.

(10)Вызвали на обыкновенный пожар...

(11)А теперь – клиника острой лучевой болезни... (12)После операции по пересадке костного мозга мой Вася лежал уже не в больничной палате, а в специальной барокамере, за прозрачной плёнкой, куда заходить не разрешалось, поскольку уровень радиации был очень высокий. (13)Там такие специальные приспособления есть, чтобы, не заходя под плёнку, вводить уколы, ставить катетер... (14)Но всё на липучках, на замочках, и я научилась ими пользоваться: открывать и пробираться к нему. (15)Ему стало так плохо, что я уже не могла отойти ни на минуту. (16)Звал меня постоянно. (17)Звал и звал... (18)Другие барокамеры, где лежали Васины сослуживцы, тоже получившие большую дозу облучения, обслуживали солдаты, потому что штатные санитары отказывались, требуя защитной одежды. (19)А я своему Васе всё хотела делать сама...

(20)Потом кожа начала трескаться на его руках, ногах, всё тело покрылось волдырями.

(21)Когда он ворочал головой, на подушке оставались клочья волос. (22)А всё такое родное.

(23)Любимое... (24)Я пыталась шутить: «Даже удобно: не надо носить расчёску». (25)Если бы я могла выдержать физически, то я все двадцать четыре часа не ушла бы от него и сидела рядышком. (26)Потому что, верите ли, мне каждую минутку, которую я пропустила, было жалко... (27)И я готова была сделать всё, чтобы он только не думал о смерти... (28)И о том не думал, что болезнь его ужасная и я его боюсь.

(29)Помню обрывок какого-то разговора, кто-то увещевает:

– (30)Вы должны не забывать: перед вами уже не муж, не любимый человек, а радиоактивный объект с высокой плотностью заражения. (31)Вы же не самоубийца. (32)Возьмите себя в руки.

(33)А я как умалишённая:

– (34)Я его люблю! (35)Я его люблю!

(36)Он спал, а я шептала: «Я тебя люблю!» (37)Шла по больничному двору: «Я тебя люблю!»

(38)Несла судно: «Я тебя люблю!»

(39)О том, что ночую у него в барокамере, никто из врачей не знал.

(40)Не догадывался. (41)Пускали меня медсёстры. (42)Первое время тоже уговаривали:

– (43)Ты – молодая. (44)Что ты надумала? (45)Сгорите вместе.

(46)А я, как собачка, бегала за ними, стояла часами под дверью, просила-умоляла. (47)И тогда они:

– (48)Чёрт с тобой! (49)Ты – ненормальная!

(50)А мне было всё равно: я его любила и ничего не боялась. (51)Утром, перед восьмью часами, когда начинался врачебный обход, показывали мне через плёнку: «Беги!» (52)На час сбегая в гостиницу. (53)А с девяти утра до девяти вечера у меня пропуск. (54)Ноги мои посинели до колен, распухли, настолько я уставала. (55)Но моя душа была крепче тела... (56)Моя любовь...

(57)Понимаю: о смерти люди не хотят слушать. (58)О страшном...

(59)Но я вам рассказала о любви... (60)Как я любила... (61)И люблю...

(62)А когда есть такая любовь, нет страха, нет усталости, нет сомнений, нет препятствий.

(по С. А. Алексиевич*)

*Светлана Александровна Алексиевич (род. 1948 г.) – всемирно известный белорусский прозаик, пишущий на русском языке. Автор прозы о войне, о Чернобыле. Создатель уникального документально-художественного метода, основанного на беседах с реальными людьми.

Текст Паустовского про художника

Для того чтобы прозреть, нужно не только смотреть по сторонам. Нужно научиться видеть. Хорошо может видеть людей и землю только тот, кто их любит. Стертость и бесцветность прозы часто бывает следствием холодной крови писателя, грозным признаком его омертвения. Но иногда это простое неумение, свидетельствующее о недостатке культуры. Тогда это дело, как говорится, поправимое. Как видеть, как воспринимать свет и краски - этому могут научить нас художники. Они видят лучше нас. И они умеют помнить увиденное.

Когда я был еще юным писателем, знакомый художник сказал мне:

- Вы, мой милый, еще не совсем ясно видите. Несколько мутновато. И грубо. Судя по вашим рассказам, вы замечаете только основные цвета и сильно окрашенные поверхности, а переходы и оттенки сливаются у вас в нечто однообразное.

- Что же я могу поделывать! - ответил я, оправдываясь - Такой уж глаз.

- Ерунда! Хороший глаз - дело наживное. Поработайте, не ленитесь, над зрением. Держите его, как говорится, в струне. Попробуйте месяц или два смотреть на все с мыслью, что вам это обязательно надо написать красками. В трамвае, в автобусе, всюду смотрите на людей именно так. И через два-три дня вы убедитесь, что до этого вы не видели на лицах и десятой доли того, что заметили теперь. А через два месяца вы научитесь видеть, и вам уже не надо будет понуждать себя к этому.

Я послушался художника, и действительно - и люди и вещи оказались гораздо интереснее, чем раньше, когда я смотрел на них бегло и торопливо.

И меня охватило едкое сожаление о глупо потраченном времени. Сколько бы я мог увидеть за прошлые годы превосходных вещей! Сколько интересного необратимо ушло, и его уже не воскресить!

Это был первый урок, который я получил от художника. Второй урок был нагляднее.

Однажды осенью я ехал из Москвы в Ленинград, но не через Калинин и Бологое, а с Савеловского вокзала - через Калязин и Хвойную.

Многие москвичи и ленинградцы даже не подозревают о существовании этого пути. Он хотя и дальше, но интереснее, чем привычный путь на Бологое. Интереснее тем, что дорога проходит по пустынным и лесистым краям.

Моим попутчиком оказался маленький человек с узенькими, но очень живыми глазами. Одет он был мешковато. Человек этот вез большой ящик с масляными красками и рулоны загрунтованного холста. Нетрудно было догадаться, что это художник.

Мы разговорились. Мой попутчик рассказал, что едет под город Тихвин, где есть у него приятель лесник, будет жить у него на кордоне и писать осень.

- А почему же вы забираетесь так далеко, под Тихвин? - спросил я.

- Там у меня облюбовано одно место, - доверительно ответил художник. - Всем местам место! Такого второго нигде не найдете. Чистый осиновый лес! Кое-где только попадаются редкие ели. Осина дает осенью такой нарядный убор, как ни одно дерево. Лист у нее чистой раскраски. Пурпурный, лимонный, лиловый и даже черный с золотым крапом. Под солнцем получается великолепный костер. Поработаю там до зимы, а зимой подамся на берег Финского залива, за Ленинград. Там, вы знаете, самый лучший иней в России. Нигде я такого инея не видел.

Я сказал, конечно, шутя, что при таких познаниях мой спутник мог бы составить ценный путеводитель для художников, где что писать.

- А что же вы думаете! - серьезно ответил художник. - Составить нетрудно. Но только нет смысла. Все набьются в одно место, тогда как сейчас каждый ищет себе красоту в отдельности. А это не в пример лучше.

- Почему?

- Разнообразнее раскрывается страна. В русской земле столько прелести, что всем художникам хватит на тысячи лет. Но знаете, - добавил он с тревогой, - что-то человек начал очень уж затаптывать и разорять землю. А ведь красота земли - вещь священная, великая вещь в нашей социальной жизни. Это одна из конечных наших целей. Не знаю, как вы, но я в этом убежден. Без понимания этого какой же может быть передовой человек!

К. Г. Паустовский - русский писатель, публицист XX века

Текст Искандера про лень

Одно из забавных свойств человеческой природы заключается в том, что каждый человек стремится доигрывать собственный образ, навязанный ему окружающими людьми. Иной пищит, а доигрывает.

Однажды, когда я учился в школе, мы всем классом работали на одном приморском пустыре, стараясь превратить его в место для культурного отдыха. Как это ни странно, в самом деле превратили.

Но дело не в этом. Дело в том, что в тот давний день, когда мы возделывали пустырь, один из ребят обратил внимание остальных на то, как я держу носилки, на которых мы перетаскивали землю. Военрук, присматривавший за нами, тоже обратил внимание на то, как я держу носилки. Все обратили внимание на то, как я держу носилки. Надо было найти повод для веселья, и повод был найден. Оказалось, что я держу носилки как Отъявленный Лентяй.

Это был первый кристалл, выпавший из раствора, и дальше уже шел деловитый процесс кристаллизации, которому я теперь сам помогал, чтобы окончательно докристаллизироваться в заданном направлении.

Теперь все работало на образ. Если я на контрольной по математике сидел, никому не мешая, спокойно дожидаясь, покамест мой товарищ решит задачу, то все приписывали этой моей лени, а не тупости. Естественно, я не пытался в этом кого-нибудь разуверить. Когда же я по русскому письменному писал прямо из головы, не пользуясь учебниками и шпаргалками, это тем более служило доказательством моей неисправимой лени.

Чтобы оставаться в образе, я перестал исполнять обязанности дежурного. К этому привыкли настолько, что, когда кто-нибудь из учеников забывал выполнять обязанности дежурного, учителя под одобрительный шум класса заставляли меня стирать с доски или тащить в класс физические приборы. Впрочем, приборов тогда не было, но кое-что тащить приходилось.

Развитие образа привело к тому, что я вынужден был перестать делать домашние уроки. При этом, чтобы сохранить остроту положения, я должен был достаточно хорошо учиться.

По этой причине я каждый день, как только начиналось объяснение материала по гуманитарным предметам, ложился на парту и делал вид, что дремлю. Если учителя возмущались моей позой, я говорил, что заболел, но не хочу пропускать занятий, чтобы не отстать. Лежа на парте, я внимательно слушал голос учителя, не отвлекаясь на обычные шалости, и старался запомнить все, что он говорит. После объяснения нового материала, если оставалось время, я вызывался отвечать в счет будущего урока.

Учителей это радовало, потому что льстило их педагогическому самолюбию. Получалось, что они так хорошо и доходчиво доносят свой предмет, что ученики, даже не пользуясь учебниками, все усваивают.

Учитель ставил мне в журнал хорошую оценку, звенел звонок, и все были довольны. И никто, кроме меня, не знал, что только что зафиксированные знания рушатся из моей головы, как рушится штанга из рук штангиста после того, как прозвучит судейское: "Вес взят!"

Через некоторое время слухи об Отъявленном Лентяе дошли до директора школы, и он почему-то решил, что это именно я стащил подзорную трубу, которая полгода назад исчезла из географического кабинета. Не знаю, почему он так решил. Возможно, сама идея хотя бы зрительного сокращения расстояния, решил он, больше всего могла соблазнить лентяя. Другого объяснения я не нахожу. К счастью, подзорную трубу отыскали, но ко мне продолжали присматриваться, почему-то ожидая, что я собираюсь выкинуть какой-нибудь фокус. Вскоре выяснилось, что никаких фокусов я не собираюсь выкидывать, что я, напротив, очень послушный и добросовестный лентяй. Более того, будучи лентяем, я вполне прилично учился.

Тогда ко мне решили применить метод массированного воспитания, модный в те годы. Суть его заключалась в том, что все учителя неожиданно наваливались на одного нерадивого ученика и, пользуясь его растерянностью, доводили его успеваемость до образцово-показательного блеска.

Идея метода заключалась в том, что после этого другие нерадивые ученики, завидуя ему Хорошей Завистью, будут сами подтягиваться до его уровня, как одиночные посадки эвкалиптов.

Эффект достигался неожиданностью массированного нападения. В противном случае ученик мог ускользнуть или испакостить сам метод.

Как правило, опыт удавался. Не успевала мала куча, образованная массированным нападением, рассосаться, как преобразованный ученик стоял среди лучших, нагло улыбаясь смущенной улыбкой обесчещенного.

В этом случае учителя, завидуя друг другу, может быть, не слишком Хорошей Завистью, ревниво по журналу следили, как он повышает успеваемость, и уж, конечно, каждый старался, чтобы кривая успеваемости на отрезке его предмета не нарушала победную кривизну.

То ли на меня навалились слишком дружно, то ли забыли мой собственный приличный уровень, но, когда стали подводить итоги опыта работы надо мной, выяснилось, что меня довели до уровня кандидата в медалисты.

-- На серебряную потянешь, -- однажды объявила классная руководительница, тревожно заглядывая мне в глаза.

Каждый из кандидатов на медаль в свое время собственными силами добивался выдающихся успехов по какому-нибудь из основных предметов, а уже по остальным его дотягивали до нужного уровня. Включение меня в кандидаты было пока еще тихим триумфом метода массированного воспитания.

На выпускных экзаменах к нам были приставлены наиболее толковые учителя. Они подходили к нам и часто под видом разъяснения содержания билета тихо и сжато рассказывали содержание ответа. Это было как раз то, что нужно. Спринтерская усвояемость, отшлифованная по время исполнения роли Отъявленного Лентяя, помогала мне точно донести до стола комиссии благотворительный шепоток подстраховывающего преподавателя. Мне оставалось включить звук на полную мощность, что я и делал с неподдельным вдохновением.

Кончилось все это тем, что я вместо запланированной на меня серебряной медали получил золотую, потому что один из кандидатов на золотую по дороге сорвался и отстал.

Итак, я получил золотую медаль и зонтиком по шее от его мамы на выпускном вечере. Вернее, не на самом вечере, а перед вечером в раздевалке.

-- Негодяй, притворявшийся лентяем! -- сказала она, увидев меня в раздевалке и одергивая зонтик.

В тот же год я поехал учиться в Москву, а самую медаль, которую я еще не видел, через несколько месяцев принесли маме прямо на работу. Она показала ее знакомому зубному технику, чтобы убедиться в подлинности золота.

-- Сказал, настоящее, если он не заодно с ними, -- рассказывала она мне на следующий год, когда я приехал на каникулы.

(По Ф. А. Искандеру)

Текст Тишкова про худ. творчество

(1)Художественное творчество, с моей точки зрения, не просто способ самовыражения. (2)Порой оно может стать спасительной соломинкой, уцепившись за которую человек может пройти через многие тяжёлые испытания и выжить. (3)И вот один из поразительных примеров. (4) Удивительная женщина, художник-любитель Евфросинья Антоновна Керсновская много лет провела в сталинском лагере, после чего начала зарисовывать всю свою жизнь с самого начала: детство в Бессарабии, как была арестована в Румынии, как её в Сибирь сослали. (5)Много лет она изображала быт, детали и комментировала свои рисунки. (6) Вот что она пишет маме: (7) «Я их рисовала для тебя, думая о тебе... (8)Я начала рисовать там, в Норильске, сразу после того, как вышла из лагеря. (9)Не было ещё ни тюфяка, ни простыни, не было даже своего угла. (10)Но я уже мечтала нарисовать что-то красивое, напоминающее прошлое — то прошлое, которое неразрывно было связано с тобой, моя родная! (11)И единственное, что я могла придумать, это — рисовать...» (12) И вот Евфросинья в картинках создаёт историю своей жизни, всех своих злоключений, чтобы освободиться от тех тяжёлых воспоминаний, что окружали её после выхода из двенадцатилетнего ада. (13)Она рисовала чем придётся: цветными карандашами, ручкой, иногда подкрашивала акварелью. (14) И эти незамысловатые, но такие подробные, правдивые рисунки поражают своей убедительностью и внутренней свободой. (15)Целых двенадцать общих тетрадей были сочинены-нарисованы ею в 60-х годах прошлого века. (16)В 1991 году они вышли отдельной книгой, названной «Наскальная живопись». (17)И по сей день я, глядя на эти рисунки, которые появились на свет так давно, где-то глубоко внутри ощущаю, насколько сильно искусство помогло этому потрясшему художнику и просто благородной женщине выжить. (18)Вот ещё одна история. (19)Художник Борис Свешников также долгое время находился в заточении. (20)Альбомы его были нарисованы непосредственно там, в неволе, но они были не о лагере, не о той жизни, которой он жил тогда, — они были фантастическими. (21)Он изображал какую-то вымышленную реальность и необыкновенные города. (22)Тоненьким пёрышком, тончайшим, почти прозрачным серебряным штрихом он создавал в своих альбомах параллельную, невероятно загадочную, волнующую жизнь. (23)И впоследствии эти альбомы стали свидетельством того, что его внутренний мир, фантазирование, творчество спасли ему жизнь в этом лагере. (24)Он выжил благодаря творчеству. (25) Другой необыкновенный художник, Михаил Соколов, современник Свешникова, будучи посаженным в тюрьму за экстравагантный вид, тоже пытался искать свободы и спасения в творчестве. (26)Он рисовал цветными карандашами, а порой и огрызками карандашей маленькие картиночки три на три сантиметра или пять на пять сантиметров и прятал себе под подушку. (27) И эти маленькие фантастические рисунки Соколова, по-моему, в каком-то смысле грандиозней, чем некоторые огромные картины, написанные иным художником в светлой и комфортной мастерской. (28) Как видите, можно изображать реальность, а можно изображать фантазии. (29)И в том и в другом случае то, что ты переносишь из своей головы, из души, из сердца, из памяти на бумагу, освобождает тебя, выпускает на волю, даже если вокруг — тюремные решётки. (30)Поэтому роль искусства поистине велика. (31)И неважно, чем и как ты это делаешь: творчество не знает границ, не требует особых инструментов. (32)Оно, искреннее и правдивое, просто живёт в человеке, ищет выхода и всегда готово бескорыстно помочь ему.

(по Л. А. Тишкову*)

* Леонид Александрович Тишков (род. в 1953 г.) — российский художник-карикатурист, также работает в области книжной графики.